

9. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia // Political Science Quarterly. – 2011. – Vol. 126. – N 2. – P. 232–241.
10. Holl Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – Vol. 3. – N 3. – P. 198–211.
11. Цзайци Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. – 2009. – № 4. – С. 149–156.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 37.0 + 316.3/.4 + 821.0

«ПОПАДАНЧЕСКАЯ» ФАНТАСТИКА: НЕУЗНАННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ «СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА»?*

Л. Г. Фишман (Екатеринбург)

В статье делается попытка ответа на следующие вопросы: чему может научиться наш современник из фантастических произведений о «попаданцах»; как это соотносится с имеющим место кризисом образования; какой социальный заказ невольно выполнила отечественная фантастика, породив вал произведений о «попаданцах»? Делается вывод, что нужда в новом соотношении человека, его образования и типа цивилизационного развития ощущается в современной России, является искомым социальным заказом. Его и выполняет «попаданческая» фантастика, которая, пусть и с многочисленными издержками, рисует субъекта, склонного менять мир, опираясь на опережающее знание и мировоззрение.

Ключевые слова: образование, опережающее знание, попаданцы, фантастика, социальный заказ.

«POPADANCHESKAYA» («GETTING TO A STRANGE PLACE») FANTASY FICTION: IS IT AN UNRECOGNIZED REALIZATION OF A «SOCIAL REQUEST»?

L. G. Fishman (Yekaterinburg)

In the article, an attempt to answers the following questions is made: what can our contemporary learn from the fantasy fiction works about “popadanets” (“people getting to some strange places”); how it corresponds to the current crisis of education; what social request has been involuntarily realized by the domestic fantasy fiction, which has generated a big wave of works about “popadanets”? The conclusion is made that this social request is the need for a

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Фишман Л. Г., 2013

Фишман Леонид Гершевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН.

new relation between the person, his/her education and the type of civilizational development in modern Russia. It is being carried out by the "popadancheskaya" fantasy fiction, which describes a subject, who is inclined to change the world by relying on the advanced knowledge and world outlook.

Key words: *education, advanced knowledge, popadanets, fantasy fiction.*

Значение фантастики в формировании представлений о мире современного человека трудно переоценить. Так, поздние советские поколения усваивали, в том числе и из фантастики, как научную картину мира, так и определенные философские и политические взгляды: влияние произведений И. Ефремова и братьев Стругацких тому пример. Более современным примером служит влияние фантастики и вдохновленных ею компьютерных игр, кинофильмов на ряд молодежных субкультур. Немаловажную роль играет и политическое содержание фантастики, которое заслуживает отдельных исследований. Словом, фантастика самым серьезным образом участвует в образовании, понимаемом в широком смысле слова, в процессе становления социализированной личности.

Как следует из сказанного выше, анализировать проблему соотношения фантастики и образования в полном объеме – необъятная задача. Поэтому наша цель значительно скромнее. Интересующие нас вопросы таковы: чему, в буквальном «школярском» смысле, может научиться наш современник из фантастических произведений, какие познания из них он может почерпнуть? Как это соотносится с имеющим место кризисом образования, который неоднократно отмечался в литературе, посвященной проблемам педагогики и философии образования? В конечном счете – какой социальный заказ невольно выполнила отечественная фантастика, породив вал произведений о «попаданцах»?

На первый взгляд, два вопроса из трех, заданные вначале, звучат абсурдно. Первая ассоциация, возникающая со словом «фантастика», говорит нам о том, что произведения этого жанра содержат сплошной вымысел, то есть ничего научно достоверного, никаких знаний об окружающем мире почерпнуть из них нельзя. Однако и в художественных произведениях, не относящихся к фантастике, достаточно вымысла, но это вовсе не обесценивает содержащихся в них разнообразных сведений о мире и человеке. Нельзя изучать историю, скажем, только по «Трем мушкетерам» Дюма или «Батью» Яна, но мало кто рискнет отрицать, что по ним можно составить общее правдоподобное представление об эпохе. (Мы уже не говорим о достоверности описания характерных человеческих переживаний, ситуаций становления личности, реалистично описываемых коллизий отношений между людьми и о других подобных аспектах множества художественных произведений, в основе которых лежит вымышленный сюжет.)

Фантастика изначально была тесно связана именно с наукой, с научным мировоззрением. В центре фантастического произведения XIX – первой половины XX вв. обычно находилось какое-то вполне научное или техническое допущение, главным героем являлся ученый и изобретатель, писатели старались соблюсти правдоподобие в формулировании научной

завязки сюжета. Нередко результатами такой стратегии становились пророческие видения будущего развития общества, науки и техники. Понятно, что в такого рода произведениях читатель мог почерпнуть достаточно много достоверной технической информации, получить представление об имеющихся научных теориях и технических достижениях, проникнуться духом научной картины мира, ориентированной на поиск истины и пронизанной верой в разум человека, в прогресс, дающий все новые и новые возможности и т. д.

Ко второй половине XX в. картина сильно изменилась. Sciencefiction утратила господствующие позиции, расцвел жанр фэнтези, в котором мифологический, синкретически-религиозный (в духе воззрений Newage), психологический момент полностью вытеснил научный. Кроме того, появились ответвления боевой фантастики, космической оперы и т. п., в которых авантюрно-приключенческое содержание также возобладало над научным. Это не означало, конечно, что фантастика, в смысле возможности почерпнуть из нее какие-то научно-технические или гуманитарные достоверные сведения, полностью утратила ценность. Например, постапокалиптическая фантастика, посвященная выживанию человека в посткатастрофическом мире, немыслима без описаний того, как человек использует для этого разнообразные знания и умения. Жанр альтернативной истории, соответственно, подразумевает предоставление сведений об истории реальной.

Надо заметить, что научность, содержащаяся в такого рода произведениях, отличается от той, которая характерна для Sciencefiction. Она сводится к обладанию рецептивным знанием, поскольку в ситуации разрыва с воспроизводящей современную науку цивилизацией утрачивается возможность развития науки, тогда как актуальной становится проблема простого сохранения ее достижений. В центре оказывается не ученый, а человек-обломок научно-технической цивилизации, использующий свои знания и доступные ресурсы ради выживания в потерпевшем крушение мире.

Теперь мы можем перейти к тому направлению современной российской фантастики, которое представляется наиболее любопытным в описанном выше отношении. Это ставшая необычайно популярной в последнее десятилетие «попаданческая фантастика». В ней «наш человек» оказывается либо в ином времени (почти всегда прошлом), либо в ином мире (обычно это мир меча и магии). Другими словами, он попадает в ситуацию, уже описанную в постапокалиптической фантастике, но еще более усугубленную: когда нет материального наследия разрушенной цивилизации, герою не на что надеяться, кроме своих знаний и умений (не считая, конечно, обычных для этого жанра «роялей в кустах»).

Чтобы не быть голословными, приведем лишь некоторые примеры произведений указанного жанра, которые не охватывают и сотой доли имеющихся произведений. Так, приключениям попаданцев в другие миры посвящены книги следующих авторов: Даниил Аксенов («Самозванец», «Арес»), Андрей Круз («Земля лишних»), Артем Каменистый («Запретный мир», «Пограничная река»), Анджей Ясинский («Ник»), Владимир Мясоедов («Новые эльфы», «Растущий лес»), Игорь Чужин («Странник»),

Руслан Михайлов («Изгой»), Сергей Давыдов («Чароплет»), Олег Бубела («Совсем не герой»), Вадим Денисов («Стратегия. Замок «Россия»), Валерий Афанасьев («Стальная опора»), Вадим Крабов («Эгнор») и др.

О попаданцах в прошлое существует не менее обширная литература, среди которой можно навскидку отметить такие книги: Александр Конторович («Десант попаданцев. Второй шанс для человечества»), Анатолий Дроздов («Господин Военлет»), Алексей Волков («Командор»), Валерий Елманов («Княжья доля», «Крест и посох» и др.), Иван Евграшин («Стальной Лев Революции»), Роман Злотников («Царь Федор»), Василий Кононюк («Я – меч, я – пламя!»), Владислав Конюшевский («Попытка возврата» и др.), Юрий Корчевский («Диверсант»), Вадим Полишук («Деляга»), Андрей Ходов («Шарашка» попаданцев. опередить Гитлера!), Андрей Величко («Кавказский принц»), Валерий Самохин («Спекулянт»), Глеб Дойников («Варяг»), Герман Романов («Попаданец на троне»), Юрий Корчевский («Пушкарь») и т. д.

Цунами попаданческой фантастики отнюдь не у всех встречает восторженные отзывы. Например, писатель Владимир Аренев едко замечает: «Обратите внимание: раньше в попаданцах ходили профессора, прогрессоры, исследователи. Теперь – спецназовцы и пэтэушники. Есть о чем задуматься, верно?». Критик Василий Владимирский считает, что «к литературоведению этот феномен никакого отношения не имеет, только к массовой психологии. Популярность «попаданческой прозы» – результат коммерческой эксплуатации «комплекса неудачника», убежденности немалого количества людей в том, что реализовать их скрытый потенциал мешают лишь внешние обстоятельства» [1].

Другие и вовсе обнаруживают в бурном росте попаданческой фантастики «симптомы тяги к безответственному социальному экспериментаторству, так дорого обошедшемуся нашей стране», и задаются вопросом: «а не поощряется ли разгул «попаданского» АИ некими темными силами? Ведь это очень эффективный способ окончательно разрушить в умах множества сограждан память о подлинной истории, приучить к мысли, что истинны все «варианты» и «линии». Но, думаю, не стоит искать заговор там, где действует обычное недомыслие, помноженное на коллективный комплекс неполноценности» [2].

Тем не менее, мы должны отметить, что картина выглядит несколько сложнее. Именно данный жанр предоставляет широкие возможности автору заняться изложением тех или иных научно-технических сведений. Если речь идет о попадании в прошлое, то почти неизбежны экскурсы в историю или же присутствует описание исторического контекста с именами, событиями, странами, культурой и т. д. Очень много места уделяется описанию того, как герой решает те или иные технические проблемы, воссоздает требующиеся ему технические приспособления, производит с их помощью определенную продукцию и т. д. (Нередко авторы посвящают данному аспекту темы настолько много места, что это приводит к так называемой «заклепкометрии».)

Не обделена вниманием и гуманитарная сторона вопроса. Герой, если он попадает в достаточно отдаленное прошлое или в какой-то средневековый мир, как правило, занимается тем, что называется «модерниза-

ция», и поэтому вынужден не ограничиваться введением только технических новшеств, но и насаждать современные социальные отношения и институты [3]. Кроме того, автор нередко оказывается приверженцем каких-либо идеологических взглядов, которые излагает с разной степенью аргументированности. Таким образом, читатель может расширить свой кругозор в самых разных областях естественнонаучного и гуманитарного знания; также чтение и обсуждение «попаданческой фантастики» сами по себе способны пробудить интерес к науке, технике, социологии и истории.

Но простым возбуждением такого интереса значение «попаданческой фантастики» не исчерпывается. Сегодня ряд ученых, занимающихся вопросами философии образования, отмечают, что образование должно развиваться опережающим образом, в том числе и блок естественнонаучного образования, а его синтез с социально-гуманитарным образованием и мировоззренческим знанием становится необходимым условием опережающего развития качества человека и качества общественного интеллекта [4]; что должен произойти переход от производства «частичного» человека к производству универсального «целостного» человека. Считается, что образовательный процесс должен быть направлен на достижение такого уровня образованности учащихся, который был бы достаточен для самостоятельного творческого решения мировоззренческих проблем теоретического или прикладного характера [5]. Иными словами, желательной является ситуация, в которой «целостный», обладающий опережающим научным и мировоззренческим знанием человек мог бы определять свою судьбу, а также путь развития цивилизации, общества. «Попаданческая» же литература по-своему отразила глубокую неудовлетворенность, испытываемую нашим современником, который живет в обществе, чье развитие контролировать и даже адекватно предсказывать он не в состоянии.

Пусть только в воображении, но «попаданческая» фантастика предлагает выход за пределы такой ситуации. Действительно, во многих отношениях наш современник, оказавшийся в прошлом или в альтернативном, технологически неразвитом мире, обладает опережающим научно-техническим знанием. И это знание в большей или меньшей степени сочетается с гуманитарным, ибо само оно формировалось не в вакууме, а в контексте современного общества. Оно является частью определенного мировоззрения (пусть даже и неадекватного по меркам сегодняшнего дня – «просвещенческого», «классического» и т. п. типа), нередко сочетается с какой-то идеологией.

Далее, если в нашей реальности «попаданец», волей-неволей, был образован как «частичный человек» (узкий специалист, человек, играющий какую-то фиксированную социальную роль и т. д.), то, «попав», он, волей-неволей, оказывается вырванным из этого привычного состояния. Прежде всего, его «узость», за счет обладания познаниями более передового мира, оказывается относительной. Адаптируясь в новом мире, он вынужден принимать гораздо более широкие обязательства и ответственность, расширять кругозор, сам создавать новую реальность с новыми

ролями, расти как личность. Все это выводит его за рамки существования «частичного человека».

Иными словами, ситуация следующая. Нужда в новом соотношении человека, его образования и типа цивилизационного развития ощущается в современной России. Она ощущается нашими с вами современниками, героями фантастических романов. Однако, пока в реальности такое соотношение в лучшем случае только начинает формироваться, указанный «социальный заказ» реализуется в художественной литературе. Да, он реализуется зачастую в такой форме, которая позволяет говорить об эскапизме попаданческой литературы, комплексе неудачника, лежащего в основе мотивации авторов, героев произведений и читательской аудитории, и прочих неприглядных вещах. Но стоит ли высокомерно обличать их за все это?

При всех стенаниях о «безответственном социальном экспериментаторстве», которое так дорого стоило нашей стране, в последние десятилетия ей гораздо больше вреда принесло отсутствие тяги ко всякому экспериментаторству. Два с половиной десятилетия мы только и делали, что пытались «жить, как все нормальные страны» или воспроизводить социальные институты и практики, уже опробованные в нашем прошлом. Довольны ли мы результатом? Вопрос риторический. Стоит ли удивляться тому, что теперь у нас герои самого популярного фантастического жанра, герои, списанные с наших современников, хотят что-то поменять? Дело за «малым» – дождаться появления опережающего знания и мировоззрения в нашей реальности. В этом и заключается основная проблема. Надо что-то менять – это осознается ясно. Однако наследие десятилетий отказа от поиска новых путей проявляется в том, что герой попаданческой фантастики пока не представляет, как что-то можно поменять в реальном мире, опираясь на действительно опережающее знание, а не на его суррогат – знание, которое было бы опережающим в прошлом или в ином мире. В нашем же мире это знание, принадлежащее прошлому, объективно ведет к попыткам решить сегодняшние проблемы вчерашними средствами (см. подробнее: [6]). (Например, путем возрождения влияния церкви, пропаганды патриархальной семьи, поиска «духовных скреп» и т. д.) В этом смысле содержание рецептов попаданческой фантастики мало отличается от содержания правительственных инициатив, реализующихся в нашей реальности. Литература, как часто бывает, становится зеркалом жизни – злым, гротескным и вызывающим раздражение. Это зеркало показывает нам, что с энтузиазмом принимающиеся, реакционные рецепты решения наших проблем сработали бы только в прошлом или ином отсталом мире, к тому же при заниженных требованиях к героям, одержимым комплексом неудачника и при наличии многочисленных роялей в кустах. Тем не менее, отрадно, что, пусть и с такими сниженными требованиями, в отечественной литературе все же появился субъект, понимающий, что менять мир следует, опираясь на опережающее знание и мировоззрение. То, каким этот субъект описан в литературе, многим пришлось не по вкусу. Но, может быть, в реальности появится его более совершенный образец?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Невский Б.** Попаданцы: штампы и открытия // Книжный ряд. – 2012. – № 109. – С. 50–54.
2. **Виноградов П.** Марш «попаданцев», или Ностальгия по альтернативе // Литературная газета. – 2011. – № 13 (6316). – 4 июня.
3. **Фишман Л. Г.** Мы попали! // Дружба народов. – 2010. – № 4. – С. 189–196.
4. **Субетто А. И.** Ноосферный императив в системе качества социально-гуманитарного образования в университетах России в XXI веке. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02020010.htm> (дата обращения: 22.08.2013).
5. **Кадырова Е. П.** Современные проблемы педагогической науки и образования // Фундаментальные исследования. – 2010. – № 3 – С. 69–71.
6. **Мартьянов В. С.** Инволюция элиты в обществе модерна // ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 3. – С. 34–56.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 378 + 001.4 + 372.016:811

**ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И «ЯЗЫКОВОГО»
ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА**

К. С. Лелюшкина (Томск)

Статья посвящена вопросу повышения эффективности системы «наука – образование». В современном процессе преподавания иностранного языка в эпоху смены образовательной парадигмы необходимо более рациональное использование достижений науки для разработки инновационных методов и приемов адекватной и оптимальной иноязычной подготовки будущих специалистов.

Ключевые слова: общество, образование, наука, коммуникативная компетенция, инновационное обучение иностранным языкам.

**THE TENDENCIES OF INTEGRATION OF SCIENCE AND THE
LANGUAGE EDUCATION OF THE FUTURE EXPERT**

K. S. Lelyushkina (Tomsk)

The article is devoted to the issue of increasing the effectiveness of the «Science – Education» system. In the modern process of teaching foreign languages, in the epoch of the educational paradigm changing, there is quite necessary a more rational usage of the achievements of science for the development

© Лелюшкина К. С., 2013

Лелюшкина Кира Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: l_kira73@mail.ru